

K.A.A.

Русский социализм

12+

К.А.А.

Русский социализм

«ЛитРес: Самиздат»

1985

К.А.А.

Русский социализм / К.А.А. — «ЛитРес: Самиздат», 1985

История появления, закономерности развития и упадка социализма в России. От социал-демократии конца девятнадцатого века до ревизии коммунистической идеологии конца двадцатого века. Сто лет из жизни российской империи. Попытка ее модернизации снизу. Успехи и неудачи.

© К.А.А., 1985

© ЛитРес: Самиздат, 1985

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

“Первым признаком политической мудрости является умение считаться с данным положением дел”.
Г. Плеханов

С отменой в 1861 году крепостного права капиталистические отношения в Российской империи стали господствующими отношениями. Рост промышленности предопределил быстрый подъем рабочего движения, развитие которого в конце 19 века пошло по пути социал-демократии.

Русская социал-демократия – наиболее молодая в европейской социал-демократии – обладала с точки зрения классической марксистской теории некоторыми странностями, обусловившими, как оказалось, многие последующие события в истории страны.

Георгий Плеханов – известный русский марксист, наиболее образованный и близкий из всей русской социал-демократии – по своему положению основателя и теоретика в эмиграции – к основному течению западноевропейского рабочего движения конца девятнадцатого века, в своей полемике по организационному и другим вопросам, именно в силу своего положения полпреда классического марксизма в России, должен был отметить эти несообразности, возникшие благодаря специфическим условиям имперской действительности.

Известно, что подобного рода расхождения (а их было достаточно) составляли рутинную тему препирательств “большинства” и “меньшинства” РСДРП¹, между специфическим русским марксизмом и каноническим марксизмом, в не менее специфически русском исполнении.

Плеханов же интересен как раз минимумом специфического, и эта, с одной стороны, приверженность к выводам классической теории и отсутствие шаблонности мышления, которая спасала его от оппортунизма меньшевиков, делала его критику “твердого большевистского крыла партии наиболее исторически ценной.

В 1903 году позиции сторон вполне определились. В частности, в организационном вопросе “большинство считало, что и комитеты, и отдельные члены партии могут получать очень широкие полномочия, но это должно зависеть от Центрального комитета, ЦК может и, наоборот, если найдет нужным и полезным, своей властью раскассировать комитет или другую организацию, он может лишить того или другого члена партии его прав. Иначе нельзя успешно организовать дело пролетарской борьбы”.²

“Представители называют это централизмом, – возмущался по этому поводу далее Плеханов, – Полноте советники! Это просто-напросто была бы мертвая петля на шее нашей партии, это бонапартизм, если не абсолютная монархия старой дореволюционной манеры”.

В доказательство он рисует живописный и, увы, как оказалось не исторического вероятия политический пейзаж.

“Вообразите, что за Центральным Комитетом всеми нами признано пока еще спорное право “раскассирования”, тогда происходит вот что. Ввиду приближения съезда, ЦК всюду “раскассировывает” все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему: “Ура!”, одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям.

Тогда у нас действительно не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что у нас осуществится идеал персидского шаха. Щедрин говорит, что когда Мак-Магонша спросила у этого повелителя “твердых” магометан, издавна пользующегося правом “раскасси-

¹ Российская социал-демократическая рабочая партия

² Г.В. Плеханов ППС т.13, стр.90, Госиздат, Москва, 1926г.

рования”, какая из европейских стран нравится ему больше остальных, он, не колеблясь, ответил “Россия” и тотчас кратко пояснил свою мысль: “Jamais politique, toujours hourrah! Et puis фюить!” (Никакой политики, всегда ура! И затем фюить!) У нас тогда будет как раз это самое: “Jamais politique, toujours hourrah! Et puis ...раскассирование!”³

“Большевики очевидно смешивают диктатуру пролетариата с диктатурой над пролетариатом”,⁴ – заключает Плеханов, относя это к их приверженности к тактике интеллигентских заговоров а ля Бакунин. Однако первопричина этой, да и некоторых других особых черт русского ортодоксального марксизма лежит в том последовательном восприятии места буржуазии, пролетариата и социал-демократии, продемонстрированном Лениным, поддержанным большинством РСДРП, а затем всем русским рабочим движением.

“Мы сказали, – пишет Ленин в своей брошюре “Что делать?”, – что социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть принесено только извне...” Против этого нечего возразить, если иметь ввиду рабочих России начала XX века. Между тем, Ленин проходит мимо этого, явно ограничивающего его рассуждение по времени и месту, обстоятельства и, по обыкновению любого русского интеллигента выводить общемировые истины из чего угодно, продолжает: “История всех стран свидетельствует, что исключительно своими силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское, то есть убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства тех или иных необходимых для рабочих законов и т.п.

...Учение социализма выросло из тех философских, исторических и экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали сами по своему социальному положению к буржуазной интеллигенции. Точно также и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционной социалистической интеллигенции”.⁵

Возражения на подобные утверждения были более, чем уместны: “По Ленину рабочий класс, предоставленный только самому себе, способен бороться только за условия продажи своей рабочей силы на почве капиталистических отношений производства”.⁶ “Однако, если верно то коренное положение исторического материализма, которое гласит, что мышление людей определяется их бытием, то ясно, что на известной стадии общественного развития рабочие капиталистических стран пришли бы к социализму даже в том случае, если бы они были предоставлены своим собственным силам... Еще в 1845 году Маркс, споря с Бруно Бауэром, указывал на то, что пролетариат, как пролетариат, то есть в силу своего положения в капиталистическом обществе, вынужден будет прийти к отмене частной собственности, то есть совершить социальную революцию. При этом Маркс прибавлял, что “речь не идет о том, какую цель себе ставит в данное время тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Речь идет о том, что представляет собой этот класс и что он, в силу своего бытия, исторически принужден будет совершить. Его цель и его историческое действие осязательно и непрерываемо определяется его собственным житейским положением, равно как и всей организацией общества”.⁷

Поэтому “совершенно немислимо, – заключал Плеханов, – считать развитие научного социализма совершенно независимым от роста стихийного рабочего движения. Если бы Ленин дал себе легкий труд сообразить это, он немедленно зачеркнул бы то свое положение, которое

³ Г.В. Плеханов ППС т.13, стр.91, Госиздат, Москва, 1926г.

⁴ там же

⁵ В. Ленин, ПСС, 5 издание, том 6, стр. 30-31

⁶ Г.В. Плеханов ППС т.13, стр.124, Госиздат, Москва, 1926г.

⁷ Г.В. Плеханов ППС т.13, стр.121-122, Госиздат, Москва, 1926г.

могло бы иметь некоторый смысл под пером писателя-идеалиста, но является неожиданной бессмыслицей, когда его выдвигает и отстаивает человек, не без успеха выдающий себя за сторонника материалистического объяснения истории”⁸

Впрочем, категоричность Плеханова здесь далека от совершенства и, поправляя Ленина, он – как это часто бывает – “выплескивает вместе с водой ребенка””. Если даже мысль российского эсдека и двигалась независимо от стихийного роста рабочего движения в России, то по-видимому делала это благодаря не менее стихийному росту движения западноевропейского пролетариата, из которого (вместе с Плехановым) оно произошло, никак не нарушая тем самым всеобщего закона. Утверждение, что марксизм в России возник независимо от рабочего движения, оставаясь чистым абсурдом, появлением которого мы обязаны остаткам школьной логики в рассуждениях Ленина, не может заслонить исторического факта известной обособленности российской социал-демократии от развития российского рабочего класса.

Когда частное привязывают к общему, а общее выводят из частного вне зависимости от того, что выходит – живое явление или логический уродец, – получается либо исторический нонсенс, как у Плеханова, забывшего о своем собственном существовании, либо “чистый как слеза” идеализм Ленина, “когда масса есть неодухотворенный сырой материал, над которым производит свои операции отмеченная печатью духа святого интеллигенция”.⁹

Скептическое отношение Плеханова к теоретическим способностям конечно можно понять. “Он представляется мне...более инстинктивным, чем сознательным марксистом; но я верил в благотворительную силу его “ортодоксального” инстинкта и надеялся, что он лучше усвоит, если не метод, то вывод марксизма...”¹⁰

Думается, Ленину в свою очередь трудно было обольщаться политическими способностями Плеханова, ибо, судя по всему, политический инстинкт делал Ленина на практике куда большим диалектиком, хотя при этом весьма страдала от неосторожного обращения теория марксизма.

Действительно, в условиях слаборазвитой экономики самосознание русских рабочих далеко отстало от уровня западноевропейских пролетариев, частью которых в идейном и практическом отношении была в общем-то русская социал-демократическая интеллигенция; верно-подданность же русского буржуа по той же причине исключала его всякую сколь-нибудь серьезную революционность и требовала гегемонии пролетариата в буржуазной революции. Рассуждения Ленина о предназначении интеллигенции и пролетариата можно понять с точки зрения наличной ситуации: то, что не могло стать общим законом, может быть его специфическим выражением для данного места и в данный момент времени, когда один и тот же закон, всякий раз по новому, находит себя в новых обстоятельствах.

Плеханов, видя идеализм теоретических построений Ленина и не замечая политический реализм его действий, оказался рабом ограниченного знания и Ленин, с его теоретической дешевкой и здоровым политическим чутьем, оказался большим материалистом, чем человек “верно использовавший метод марксизма”. Можно сказать, что Ленин, хотя и думал о себе как о российском интеллигенте социал-демократе, на деле всем своим существом принадлежал “стихийному росту русского рабочего движения”, а Плеханов, хотя и отождествлял себя с русским пролетариатом, был, тем не менее, в силу своей приверженности к отвлеченному знанию стопроцентным интеллигентом скорее западноевропейского толка.

Тот “чрезмерный централизм” и “избиение либералов” были неизбежны для РСДРП в условиях империи, если хотели ее свалить, и Плеханов сам – прямо или косвенно –это признавал, когда не горячился, реагируя на теоретические глупости большинства РСДРП.

⁸ Г.В. Плеханов ППС т.13, стр.120, Госиздат, Москва, 1926г.

⁹ Г.В. Плеханов ППС т.13, стр.125, Госиздат, Москва, 1926г.

¹⁰ Г.В. Плеханов ППС т.13, стр.135, Госиздат, Москва, 1926г.

“До сих пор социализм был делом интеллигенции; рабочие проникались его идеалами лишь в качестве отдельных лиц, в лучшем случае – отдельных кружков, которые тем более отдалялись от массы, чем яснее становилось их социалистическое сознание. Но социализм, отдалившийся от массы, обречен на полное бессилие... И это бессилие отдалившегося от массы социализма составляет силу царского правительства, опиравшегося на бессознательность массы”.¹¹

Нужно овладеть массой. Мало того, необходимость “чрезмерного централизма в отношении массы пролетариата, диктатуры над пролетариатом было predeterminedено как главное необходимое условие социального переворота.

Поэтому-то “у Ленина профессиональные революционеры создают союзы, по своему усмотрению распоряжающиеся судьбами всего рабочего движения”.¹² Только так РСДРП, как политическая организация рабочего класса, могла противостоять существующему порядку.

Возмущение Плеханова и меньшевиков отходом от норм классического марксизма выглядит несколько дико в царстве сохи и самодержавия. “Разве в чрезмерном централизме заключается преступное покушение на жизнь РСДРП”? Не скорее – наоборот? Во всяком случае, до завоевания власти “в условиях свирепой схватки с самодержавием” централиз опасен не рабочему классу, а скорее его врагам, ибо гораздо вероятнее, что партия скорее развалится от ударов извне, чем от внутренних происков “ограниченных честолюбцев” или внутреннего вырождения. Аналогично, слабость российского верноподданного буржуа необходимо заставляла, если хотели много достичь в области буржуазных политических свобод, в осуществлении демократического переворота, оттеснить либералов более радикальным элементом – пролетариатом, точно также как на место пролетариата поставить социал-демократическую интеллигенцию.

Так неравномерность развития капитализма создала ситуацию, когда известная часть интеллигенции отсталой России, адаптируя европейский марксизм, оказалась в политике в роли пролетариата, пролетариат приобрел революционные устремления буржуазии, а русский буржуа стал поклонником конституционной монархии. Только сами монархисты (помещики) становились ничем и оттого ожесточенно противостояли всякому изменению самодержавного порядка.

Социал-демократия, нашедшая в себе самосознание развитого пролетариата, оттеснив буржуазию, превращала стихийное движение народа из буржуазного, по своим целям и задачам, в пролетарское. На прочувствовании этой объективно возможной ситуации основывал свою уверенность Ленин, до сих пор повергая в изумление своих недалеких противников и соратников своим пророческим даром.

“Неужели вы в самом деле думаете, – спрашивал некто Валентинов Ленина в марте 1904 года, – что в России в близком времени может быть социалистическая революция? Но ведь по всем правилам марксизма... можно доказать, что в России нет и долгое время не будет никаких возможностей такой революции. Социалистической революции ни вы, ни я во всяком случае не увидим.

–

А вот я, позвольте вам заявить, – отвечал Ленин, – глубочайше убежден, что доживу до социалистической революции в России”.

13

¹¹ Г.В. Плеханов ППС т.13, стр.17, Госиздат, Москва, 1926г.

¹² Г.В. Плеханов ППС т.13, стр.185, Госиздат, Москва, 1926г.

¹³ История КПСС, Политиздат, М, 1964 год, том 1, стр.506

Советские партисторики заявляют на этот счет и поэтому поводу, что “Ленин относился к правилам марксизма не догматически, а творчески, и потому ясно видел величайшие революционные возможности российского рабочего класса”.¹⁴

К каким же правилам марксизма творчески отнесся Ленин? Может быть к соответствию производительных сил и производственных отношений, из которого следует, что революционные возможности и самосознание пролетариата объективно зависят, основываются на экономическом базисе общества? Тогда, как же он увидел то, чего еще не существовало? И творчество его, надо полагать, по мнению товарищей из Истпарта, состояло в полном отходе от марксизма? Лишь бы досадить Валентиновым, Плехановым и прочим? Лишь бы напророчествовать, а затем осуществить свои пророчества на деле вопреки всякой реальности, как господь осуществил землю за семь дней.

Ленин видел отнюдь не величайшие возможности рабочего класса в России, так как нельзя увидеть несуществующего; он видел величайшие возможности марксизма в России в отношении рабочего класса и, конечно, крестьянства; он видел возможность соединения марксизма, как руководящей доктрины, с массовым революционным движением, все равно отдавал ли он себе в этом ясный отчет или нет.

Ленин собирался дожить до “светлых дней, социализма и мог с уверенностью об этом заявлять, потому что марксизм уже существовал, хотя бы и вне России, подъем масс против самодержавия уже имел место, и дело оставалось за организацией, за внедрением идей Маркса в массы. Большевизм насильно совал азиатское существо России в гущу европейской цивилизации, намереваясь тащить ее через толщу отсталости чуть ли не вперед всего существующего.

Было ли это идеализмом? – Несомненно. В объективном мире русского хозяйства и русского общества конца девятнадцатого, начала двадцатого веков социализм оставался несбыточной мечтой.

Но всякий идеализм материален, во всяком случае, в своих результатах, когда имеет дело с идеальными предметами, с умами пролетариев, с сознанием масс.

Поэтому на вопрос: мог ли рабочий класс помочь социал-демократии в ее переустройстве России? Можно ответить: только как активный, но еще бессознательный элемент, самостоятельную деятельность которого нельзя было рассчитывать, поскольку нельзя было рассчитывать на существование в стране развитой экономики.

Как, в свое время, Петр первый насильно втискивал Россию в европейский образ жизни, насаждал промышленность и искусства посредством самодержавного государства, так и Ленин собирался прививать социализм России с помощью РСДРП – организации профессиональных революционеров – основы будущего социалистического государства. И если Петр начал с заимствования производительных сил, то большевизм начал с заимствования теории общественных отношений, еще даже не существовавших; и если препятствием на пути петровской технической революции стал помещичий строй, то преградой для марксизма в России должна была стать хозяйственная отсталость. Отсталость, диктующая ограниченность социализма в социал-демократии, ограниченность рабочего верой в социал-демократию, в марксизм, диктующая бешеную гонку за передовой техникой, за накоплением, развитием производства, чтобы преодолеть эту ограниченность.

Насколько справился большевизм с этой задачей, что в конечном счете вышло, нам еще предстоит выяснить. Трудно только осудить за желание изменить мир к лучшему.

Реалистичное восприятие возможностей воинствующего марксизма, объективной ситуации в стране – от ее оценки до практических мер по организации рабочего движения – отстаивал Ленин в своей теории, как бы неубедительна она не была, как бы далеко она не уходила от

¹⁴ Там же.

действительного марксизма, какие бы причудливые формы его восприятие действительности не приобретало в его голове.

Теория Ленина – это теория выдающегося политика. Присмотримся к ней.

“Человек читает книгу,
но понимает собственно то,
что у него в голове”.
(Герцен)

По Ленину история русской социал-демократии явственно распадается на три периода.
“Первый, приблизительно в 1884 – 1994 годах. Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. ...Социал-демократия существовала без рабочего движения.

Второй период обнимает три-четыре года, 1894-1898г.г.,...социал-демократы шли в рабочее движение, не забывая теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче свержения самодержавия.

Третий период (1898 – ?) Это период разброда, распада, шатания”.¹⁵

Итак, по мнению Ленина, марксизм взят в Россию со стороны и существовал еще без, независимо от нарождавшегося рабочего движения. Осталась также, в наследство от народовольцев, задача убрать монархию.

Союз русского общества с марксизмом тоже имел свой медовый месяц. “Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции... внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма”.¹⁶

Россия настолько, оказывается, была незнакома с пролетарским движением, “что правительство привыкло считать опасною только теорию революционного народовольчества, радуясь всякой направленной против нее критике”.¹⁷

Шло “повальное увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в первой половине девяностых годов... Такой же повальный характер приняли около того же времени рабочие стачки после знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года. Их распространение по России явно свидетельствовало о глубине вновь поднимающегося народного движения, и, если говорить о “стихийном элементе”, то, конечно, именно это стачечное движение придется признать прежде всего стихийным... Стачки девяностых годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с бунтами,.. были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической,.. у рабочих не было... сознания социал-демократического”.¹⁸

По Ленину, “рабочая Россия только просыпается, только осматривается кругом и инстинктивно хватается за первые попавшиеся средства борьбы”.¹⁹ И дело социал-демократов, надо понимать, заключается в том, чтобы Россия схватила наиболее действенное из всех, миновав лестницу эволюции, пройденную пролетариями в Европе.

“Часто говорят: рабочий класс стихийно влечется к социализму. Это совершенно правильно в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет при-

¹⁵ В. Ленин “Что делать?”, Госполитиздат, 1976г., стр. 163-164

¹⁶ там же, стр. 14

¹⁷ там же, стр. 14

¹⁸ там же, стр. 27-28

¹⁹ там же, стр. 39

чины бедствий рабочего класса, а потому рабочие усваивают ее так легко, если только эта теория сама не пасует перед стихийностью, если она подчиняет себе стихийность”.²⁰

“Стихийность массы требует от нас социал-демократов массы сознательности... Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в практической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии”.²¹

“Именно потому, что “толпа не наша”, именно потому, что “толпа может смять и оттереть постоянное войско”, нам обязательно необходимо поспевать за стихийным подъемом со своей работой внесения чрезвычайно систематической организации в постоянное войско, то есть работой, сближающей и сливающей воедино стихийно-разрушительную силу толпы и сознательно разрушительную силу организации революционеров”.²²

“В чем же состоит роль социал-демократии, как не в том, чтобы быть “духом”, не только витающим над стихийным движением, но и поднимающим это последнее до своей программы”²³, духом, поворачивающим русских рабочих “на социал-демократический путь”.

Точно так. Как в иные времена, буржуа “толкал рабочих” к революции буржуазной, нашедший себя в марксизме русский интеллигент толкает их теперь к революции социальной. Его диктатура над пролетариатом необходима и должна иметь место в России в той же мере, в какой диктатура буржуазии имела место в истории Франции конца восемнадцатого, начала девятнадцатого столетий.

В событиях 1905 года влияние РСДРП было еще мизерно. “До 9 января 1905 года революционная партия в России состояла из небольшой кучки людей... Несколько сотен революционных организаторов, несколько тысяч членов местных организаций, полдюжины выходящих не чаще раза в месяц революционных листков – таковы были революционные партии в России и в первую очередь революционная социал-демократия...”

Однако в течение нескольких месяцев картина совершенно изменилась. Сотни революционных социал-демократов “внезапно” выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев. Пролетарская борьба вызвало большое брожение, частью и революционное движение в глубинах пятидесяти-ста миллионной крестьянской массы, крестьянское движение нашло отзвук в армии и повело к солдатским восстаниям”.²⁴

Но та же “внезапность” не могла не привести к тому, что революционное движение было разрозненно, что размах крестьянских восстаний произошел уже после пика стачечного движения, а влияния социал-демократических организаций в армии практически не было вовсе. Что в декабрьском вооруженном восстании в Москве участвовало “не больше восьми тысяч организованных и вооруженных рабочих”, тогда как бастовало в России “370 тысяч чисто политических стачечников в течение одного месяца”.²⁵

Собственный опыт периода первой русской революции и последовавшей реакции видимо вызвал ту сугубую осторожность, с которой Ленин писал в январе 1917 года: “Мы, старики, может быть не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но, думается, молодежь... будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции”.²⁶

Ленин по-прежнему несколько не сомневается в правильности своего политического инстинкта, делая теперь поправку на непредсказуемость хода событий, возникновения усло-

²⁰ там же, стр. 38

²¹ В. Ленин “Что делать?”, стр. 48

²² там же, стр.157-158

²³ там же, стр.47-48

²⁴ В. Ленин “Доклад о революции 1905 года”, Госкомиздат, Москва, стр. 5

²⁵ см. поэтому поводу там же, стр. 13, 14 и 17

²⁶ там же, стр. 19

вий, когда русский пролетариат и русское общество будут вынуждены искать спасения в марксизме, в радикальной социальной революции. Политическим инстинктом он продолжает руководствоваться в своей практической работе, в своей теории, совершив в ней ряд – как выразился Плеханов – “метафизических подвигов”.

“Начинающееся в молодой стране движение может быть успешным лишь при условии претворения им опыта других стран”.²⁷

Это абсолютно правильное общее соображение, хотя и было использовано на деле, осталось за бортом в теории, и по частному, специфическому случаю одной страны последовали в дальнейшем всеобщие выводы.

Если, скажем, неизбежность теоретической борьбы и необходимость решительного размежевания с людьми, ведущими в тупик, ничего чисто русского не имеет, то вопрос: “Можно ли экспортировать марксизм в Россию? Как это сделать?” и так далее – отнюдь не общемирового масштаба и, утверждая общим законом частное соображение, что “роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией”.²⁸, Ленин перевернул действительные отношения с ног на голову, перейдя от материализма в практике к чистейшему идеализму в теории.

Но, может быть, речь идет все же не о России, не применительно к русской действительности?

Нет. Ленин закрепляет чисто русскую специфику взаимоотношений между “Сознательной” русской социал-демократией, заимствовавшей марксизм, и “бессознательным” стихийным рабочим движением в качестве общей закономерности, ссылаясь на историю всех стран, оставляя раз и навсегда сознательность на стороне интеллигенции, а бессознательность на стороне рабочих.

Попросту говоря, он, возможно непреднамеренно, как человек занятый сугубо земными проблемами текущего момента, пересматривает марксизм, приспособлявая теорию к нуждам собственного политического движения. Отсюда фатальность, с которой Ленин решает опереться на Карла Каутского, поскольку для него доказательства и авторитеты представляют ценность, когда дают пользу для решения текущих задач.

“Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как классовая борьба пролетариата, ... но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания... Носителем же науки является не пролетариат, а буржуазная интеллигенция: в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто извне внесенное”.²⁹

Если “буржуазной интеллигенции” нравится забегать вперед и в предвидении собственного исчезновения толпами переходить на сторону пролетариата, ей можно только поаплодировать. Но делать по этому поводу из себя благодетелей рабочих, благодаря временному преимуществу в образовании и досуге за счет тех же рабочих, навязывать им свое идейное руководство, вряд ли стоит. По меньшей мере это некрасиво, по большей – опасно. Наивное предположение, игра ума Карла Каутского заходит слишком далеко в практических последствиях (а любой русский имел достаточно времени в этом убедиться), отдавая в собственность группе людей пролетарскую теорию, пролетарское движение и, в конечном счете, сам проле-

²⁷ В. Ленин “Что делать?” стр.23

²⁸ там же, стр. 28

²⁹ там же, стр. 35-36

тариат, буквально навязывая на шею рабочим руководство все той же интеллигентствующей, паразитирующей буржуазии, единственно с превращением ее в бюрократию, которой ничего не стоит свою “духовную” власть над пролетариатом, раз уж она оформлена организационно, претворить в политический порядок, перейти от альтруизма нелегальной организации к материальной выгоде господствующей власти, предварительно устранив наивных и самодовольных болтунов типа Карла Каутского.

Но, может быть, обращение к Карлу Каутскому – единичный случай и для манеры мышления Ленина не типичен?

Не, это не так. Любовь к абсолютной истине царит в его душе и у его умозаключений возникают не только противоречия с теорией Маркса, но с собственным здравым смыслом политика. Так, с одной стороны, здравый смысл подсказывает ему “что стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет к господству буржуазной идеологии... по той простой причине, что буржуазная идеология по своему происхождению гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения”, что, следовательно, русское рабочее движение в силу своего недавнего появления не имеет еще своего устоявшегося мировоззрения и оттого неизбежно скатывается к буржуазному мировоззрению.

“Чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию”,³⁰ – вот частный вывод для частных обстоятельств, который делает Ленин-политик.

Желание оборонить выстраданный принцип редуками всеобщей абстракции заставляет его вновь обратиться к фантазии К. Каутского, к тезису о неполноценности пролетариата.

“Вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология... раз о самостоятельной... самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи”.³¹ Временная слабость пролетариата здесь превращается в его естественную черту, а он сам – в вечного недоноска. Ленин позволяет себе думать о будущем так, как бы не стал, очутившись в нем, он превращает частное в общее, не заботясь о последствиях.

“Я утверждаю, во-первых, что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; во-вторых, что, чем шире масса, вовлекаемая в борьбу,... тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче разным демагогам увлечь неразвитые сои массы); в-третьих, что такая организация должна состоять из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; в-четвертых, что в самодержавной стране, чем более мы сузим состав членов такой организации до участия в ней только таких членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью,... тем труднее будет “выловить” такую организацию, и тем шире будет состав рабочих, которые будут иметь возможность участвовать в движении.”³²

Если первое, наиболее отвлеченное утверждение – наиболее сомнительное, а в некоторых обстоятельствах, как оказалось, просто катастрофичное для судеб партии и страны, то во втором уже есть намек на конкретный исторический период (“неразвитые слои массы”), третье вообще никак не вяжется с всеобщностью, то есть характером первого, тем более, что четвертое точно указывает, что речь идет о самодержавной стране.

Так Ленин заимствует для своих политических целей “божий дар” обобщения, цитирует Маркса, Энгельса, Каутского или Гобсона. Ему, я так понимаю, не до теории, имеющей для него по большей части прикладное значение, и там, где он переходит к изложению практиче-

³⁰ В. Ленин “Что делать?”, стр.38

³¹ там же, стр.36

³² там же, стр.113

ским языком практического диалектика “очередных задач”, теоретический налет сходит и из его поздних статей довольно трудно представить себе нечто вне конкретного исторического момента.

Мы имеем дело с гениальным политиком, блестяще ориентирующимся в сиюминутной ситуации, с природным интуитивным диалектиком, способным выбрать правильное направление движения благодаря обостренному чувству политической реальности, и оттого, видимо, мало зависящего в этом смысле от теории, вполне довольствующемся поверхностным ее сходством с его собственным видением мира.

Но эта его способность – верно воспринимать мир – исчезала вместе с ним, а его метафизическое учение – застывший слепок особых черт того времени – оставалась и его естественная или насильственная смерть неизбежно, как оказалось, подготавливала конец диалектики, конец марксизма в России.

Знание Ленина было теорией текущего момента с ложными претензиями на всеобщность, оттого в иные времена вело к иным последствиям.

Это соображение полностью применимо к принципам организации РСДРП.

Партия большевиков – орудие превращения стихийного рабочего движение в движение сознательное – состоит, по Ленину, из “агентов” революционной пролетарской теории в России, которые “подтягивают рабочих до социал-демократического уровня”, “подталкивают рабочую массу к социальной революции, руководят ею”.³³ Необходимым свойством такой организации должно было быть безусловное следование революционной теории – соединение идейной борьбы с революционной дисциплиной, обеспечивающей ей свойство монолита.

“Возникает вопрос, как совместить эту беспощадную идейную борьбу с железной дисциплиной пролетариата.

... Принципиально мы уже не раз определяли наш взгляд на значение дисциплины в рабочей партии. Единство действий, свобода обсуждения и критики – вот наше определение. ... Организованность есть единство действий, единство практического выступления. Но, разумеется, всякие действия и всяческие выступления ценны постольку, поскольку они двигают вперед, а не назад, поскольку они идейно сплачивают пролетариат, поднимая его, а не принижая, не развращая, не расслабляя. Безыдейная организованность – бессмыслица, которая на практике превращает рабочих в жалких прихвостней имущей буржуазии. Поэтому сознательные рабочие никогда не должны забывать, что бывают такие серьезные нарушения принципов, которые делают обязательным разрыв всяких организационных отношений, то есть раскол”.³⁴

Централизм здесь отменяется угрозой движению. “Людей с антидемократическими тенденциями никто просто не станет слушаться раз не будет “доверия к уму, энергии и преданности со стороны окружающих товарищей”,³⁵– организация тотчас избавится от дисциплины, как только ее члены почувствуют тупик, в который завело их руководство. Это становится возможным постольку, поскольку ничто материальное не привязывает к ней ее членов, поскольку их деятельность в условиях полицейского преследования исключительно бескорыстна, то есть “обеспечено нечто большее, чем демократизм, именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это... безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим контролем не может быть и речи”.³⁶

Добровольность, не связанная никаким материальным интересом, опрокидывает принцип слепого подчинения.

³³ В. Ленин “Что делать?” стр. 192

³⁴ В. Ленин, Соч., том 14, стр.126

³⁵ В. Ленин “Что делать?” стр. 127

³⁶ Там же.

Оттого тайные общества, типа неаполитанской комморы 19 века и красных бригад, будут выдвигать условие смертной казни за выход из организации. Оттого правящие партии социалистических стран не в состоянии пойти в раскол, даже если не чувствуют ни малейшего “доверия к уму, энергии и преданности своих руководителей” и требуют для своего обновления отлаженной системы демократического контроля.

Надо также отметить, что в среде социал-демократов раскол не создавал серьезного и окончательного размежевания между членами партии.

Дело в том, что РСДРП состоит из профессиональных революционеров, из лиц свободной профессии, из выходцев из различных сословий, из интеллигенции. Интеллигенты – люди идейные и действуют (когда захотят) в соответствии со своими убеждениями, а не классовым интересом.

Поэтому, будучи в оригинальном положении русского профессионального революционера социал-демократа, выполняя роль авангарда пролетариата, защищая его интересы, интеллигенты – в двусмысленном положении людей, делающих одно, когда говорят другое, которые защищают свои убеждения, когда защищают пролетариат.

Оттого свои разногласия они не принимают в качестве окончательных и сходятся вновь по мере того, как жизнь корректирует их “выводы” в нужную сторону, в сторону защиты классового интереса рабочих, а, следовательно, и их “классового” интереса.

Нам странно понять, почему люди, некогда обзывавшие друг друга бранными словами, годами сидевшие в оппозиции, в какой-то момент, как ни в чем небывало, сходятся вместе (особенно после 17 года), а не рубят друг другу головы.

Для ни странно, если бы этого не произошло.

Головы полетели в конце двадцатых годов, когда встал друг против друга действительно различный социальный интерес стремящегося к власти полукрестьянского пролетариата России и экспортированного из Европы, рафинированного пролетариата в лице “коммунистической гвардии” из бывших социал-демократов.

“Протестантизм освобождал и спасал человека только с практической, а не с теоретической или интеллектуальной стороны...”

Вера соответствовала своему времени”

(Л. Фейербах)

Как уже говорилось, за расколом русских социал-демократов на большевиков и меньшевиков стояло обособление русского варианта марксизма от его классического западноевропейского существования.

И то, другое течение только одной стороной примыкали к классическому марксизму: большевизм, привязанный к конкретному историческому моменту, не мог позволить себе широких обобщений, а если позволял, то часто попадал впросак; меньшевизм, ограниченный жесткими рамками собственного знания, не мог справиться с потребностями текущего периода, был политически несостоятелен.

Плеханов не сразу пошел в принципиальную оппозицию “твердому большинству”, что отразило его обособленное положение человека, воспитанного в традициях классического марксизма 19 века. Но он не смог сделать ничего большего как переходить из лагеря в лагерь, указывая одним на потерю революционности, отход от политического реализма, например, в вопросе о диктатуре пролетариата, другим – на опасности централизма, теоретические ошибки и тому подобное.

Критика большинства со стороны немецкой социал-демократии имела одиозный характер. Привычка к демократии в вообще-то не в настолько развитой стране, раз ж Карл Каутский

заговорил о внесении социал-демократического сознания в пролетариат, помогла тому, что всякая демократия была потеряна в Германии ужасающим образом в 1933 году.

Не стоит горевать о неудаче меньшевиков и оппозиции Плеханова, тем более что, поскольку эта оппозиция была явно не ко времени, на практике ее убеждения имели чисто формальное значение – демократизм меньшинства должен был быть словесным прикрытием их господства.

А как же иначе? Допустите демократию для несознательных масс – тогда прощай всякая социал-демократия, прощай господство меньшинства! Поэтому их демократизм – не более чем пожелание, общее представление или демагогия, пусть пролетарского характера.

Партия, организованная по принципам большевизма, – катализатор революционного процесса в России. Для меньшевиков же все революционные преобразования откладываются на неопределенный срок до созревания условий в обычном порядке: развитие крупной промышленности и вместе с ней развитие пролетариата, берущего дело социального переворота в свои руки. Интеллигенция – хранительница марксизма до лучших времен.

Для меньшевиков рабочий класс – это заводской рабочий, а не особый класс людей со своими интересами, не особый интерес сам по себе. Дайте мне понять интерес какого либо класса или сословия, дайте мне побыть интеллигентом и, при желании, я стану кем угодно – буржуа, рабочим, рабом или рабовладельцем – в политике.

Ленин, будучи, так сказать, диалектиком, реалистом “от бога”, такое положение дел видел отчетливо, видел несоответствие канонических представлений с сутью дела. Однако новые формы политической жизни стали для него ее сущностью как только он принялся за обобщения, переменчивые явления практики – его собственной теорией, их неустойчивость – устойчивым знанием.

Поэтому, по мере изменения ситуации, отхода от сиюминутности, от текущих дел в прошлое или будущее, ценность теоретических выводов Ленина катастрофически падала. Их историческую несостоятельность не замедлил использовать в своей полемике Плеханов, мы сами живем в будущем и не можем более обольщаться всеобъемлющей ценностью ленинского наследия для текущих дел.

С другой стороны, согласитесь, что интеллигенция, в роли пролетариата делающая революцию, революционно использующая марксизм, и интеллигенция, развивающая теорию политической экономии, – это не одно и то же. Смешно ждать от русской социал-демократии в ее положении политического представителя рабочего класса глубоких научных разработок – это не ее задача. “Теории” русской социал-демократии диктуются политическим моментом, плавают на поверхности политики, от нее требуется только одно – защищать интересы рабочих. Когда же эсдек выходит за пределы этой необходимости, его выкладки оказываются не более, чем самосохранением “его” класса.

Пролетариат вырабатывает представление о необходимости социальных изменений в силу своего социального положения, в силу своего социального интереса. Измените положение пролетариев, и тот же социальный интерес будет вырабатывать иные теории, и нельзя сказать за или против интересов общества.

Действительное знание – это не только другая работа, на которую у эсдека просто нет времени; оно, если исходить из его классовой ограниченности, его зависимости от целей класса, адвокатом которого он является, эсдеку с какого-то времени становится недоступно. Выводам пролетарских деятелей суждена историческая недолговечность и прагматичность, граничащая с оппортунизмом, склонность к морализации, почерпанной из понятий рабочего класса о справедливости, а это – категория скорее веры, чем знания.

Оттого, вероятно, ныне Ленина цитируют как Христа.

Но вселенная устроена несколько иначе, чем голова самого справедливого человека, и как христианство существовало не имея ни малейшего касательства к действительному устрой-

ству христианского мира, так и марксизм в интерпретации Ленина произвольно игнорирует устройство и несправедливость русского социализма.

Сделав революцию, ленинизм исчерпал себя.

* * * *

Весь внешний идеализм мышления Ленина и, следовательно, восприятие его поступков как мессианства и бонапартизма, есть простое отражение способа осуществления революции в России – “сверху”, разумеется в наиболее благоприятный момент политического кризиса.

Заимствовать и осуществить марксизм в России могла только интеллигенция, ее радикальная часть. С такой точки зрения, она – пролетариат, а ее организация есть пролетарская по своим целям организация. “Заговор интеллигенции”, поддержанный рабоче-крестьянской массой; “гегемония пролетариата в буржуазной революции” придает тройственному союзу социал-демократов, рабочих и крестьян характер строго централизованной иерархии.

Централизм осуществлялся точно так, как описывал его Плеханов, если судит по уставу партии, принятому на втором съезде РСДРП. “Верховным органом партии был признан партийный съезд... Съезд назначал руководящие центры... Взаимоотношения между руководящими центрами и местными социал-демократическими организациями определялись уставом... На ЦК возлагалась задача организовывать комитеты, союзы комитетов и все другие учреждения партии и руководить их работой...”³⁷

“Сила и власть ЦК, твердость и чистота партии – вот в чем суть”³⁸ – писал Ленин в своих заметках в прениях по уставу, и, “исходя из реальных условий и интересов дела, съезд определил, что партия строится сверху вниз – от партийного съезда к отдельным партийным организациям”.³⁹

Политическая свобода по сути существовала в пределах узкого круга лиц, профессиональных революционеров, центра партии. Двойственность русской социал-демократии, соединение в ее лице интереса пролетариев и людей умственного труда, их индивидуализм, способствовали умственным разногласиям на грани заумия, что, в конечном итоге, привело к развалу “комгвардии” в конце двадцатых годов,

Посмотрим, однако, как обрисовывает ситуацию Плеханов.

“Российская социал-демократия называет себя рабочей партией. И это не самозванство с ее стороны. Она, несомненно, – рабочая партия в том смысле, что она стоит на точке зрения интересов рабочего класса и защищает эти интересы, как может и как умеет.

Но если бы нас спросили, какую роль играют рабочие в ее внутренней жизни, то мы, не желая скрывать истину, ответили бы: почти никакой. Главным вершителем ее судеб являлась до сих пор так называемая интеллигенция, и кто желает понять ее историю, тот должен прежде всего понять, что такое наши интеллигенты”.⁴⁰

“Интеллигент это человек умственного труда, что конечно не мешает ему предаваться умственной лени. В качестве человека умственного труда он, поскольку не мешает ему его умственная лень, легко схватывает общие идеи и охотно распространяет их в окружающей среде. За эти свойства его надо признать чрезвычайно полезным, а при известных общественно-политических условиях даже незаменимым “фактором прогресса”. Но, – известно, что и на солнце есть пятна, – интеллигентный “фактор прогресса” отличается и крупными недостатками в значительной степени ослабляющими значение его достоинств...”

Интеллигенты легко усваивают себе общие идеи, касающиеся тех отношений, которые существуют в окружающем обществе. Но эти идеи не опираются на собственный опыт интел-

³⁷ История КПСС, Госполитиздат, 1964г., стр.474

³⁸ В. Ленин Соч., изд.4, том 7, стр.430

³⁹ История КПСС, Госполитиздат, 1964г., стр.475

⁴⁰ Г. Плеханов, Соч., том 13, стр.317

лигента, и потому они всегда поверхностны. “Интеллигентный” человек не принадлежит ни к одному из тех общественных классов, борьбой которых определяется вся внутренняя жизнь общества: он не капиталист, не рабочий, не землевладелец, не мелкий буржуа промышленности или земледелия. Он живет вне этих классов, хотя иногда стоит и близко от них, и если он судит об их положении и об их взаимных отношениях, то судит именно по книгам, а не на основании собственного опыта.

Для интеллигента характерно отвлеченное мышление по тому методу, который у Гегеля, а вслед за Гегелем у Энгельса, назывался метафизическим. Метафизик мыслит по формуле: да-да, нет-нет, что сверх того, то от лукавого; он не понимает, что отвлеченной истины нет, что все зависит от обстоятельств времени и места, что истина всегда конкретна. Он и на истину смотрит независимо от времени и места, с точки зрения бескровной абстракции. Ему чуждо сознание того, что вследствие перемены обстоятельств истина становится заблуждением, а заблуждение истиной”.⁴¹

Итак, интеллигент мыслит до крайности отвлеченно. Он метафизик до конца ногтей. Это не единственный его грех. Он, кроме того, большой индивидуалист. Он останется им как бы не увлекался он социализмом. Интеллигент работает, – когда работает, – головой, а работа головой есть работа в одиночку, ... его коллеги являются не столько его товарищами, сколько конкурентами... То новое распределение дохода, которое вызвала их борьба, не может повести к изменению производственных отношений. Вот почему интеллигент, когда он склонен к идеальным порывам, борется не свои, а за чужие интересы – в настоящее время за интересы рабочего класса”.⁴²

“Психология сверхчеловеков дает о себе знать даже там, где они отстаивают великие интересы человечества... Раздражительная щепетильность интеллигента как проклятие тяготеет над всей его деятельностью. Она делает невозможным сколь-нибудь значительное сплочение революционных сил интеллигенции; она чрезвычайно усиливает раздоры порождаемые узкой односторонностью “интеллигентского” мышления и если эти раздоры служат навозом, повышающим урожаи влиятельных самодовольных посредственностей, то они же дают простор, широкий простор маленьким кружковым Макиавелли, практикующим правило: цель оправдывает средства, и крошечным кружковым честолюбцам, ставящим возвышение своего драгоценного “я” главной целью своей революционной работы”.⁴³

Однако, как мы помним, российский социал-демократ не совсем чистопородный интеллигент. Большинство эсдеков меньше всего руководствовалось “идеальными порывами” и больше всего – своим собственным интересом, предпочитая идеал пролетарского мира жизни в мире самодержавия. Здесь “идеальный порыв” оттеснен хладнокровным отождествлением себя с пролетариатом, поэтому по необходимости эсдек должен быть политиком, диалектиком политической практики. Но он не был бы интеллигентом, не сохраняя интеллигентских привычек, – индивидуализма и тому подобного, – проявляя их ровно столько, сколько позволяла политическая обстановка.

Если бы РСДРП было бы чисто интеллигентским движением, она давно бы канула в лету, как канули многие отдельные лица и группы ее членов, не вписавшиеся в политический пейзаж, предпочтшие свои схемы, свою индивидуальность, свое самолюбие политической реальности и предсказания Плеханова сбылись бы задолго до 1928 года.

Интеллигенция превращается в социал-демократию в своем отрицании деспотического и буржуазного порядка в России. С отпадением оно исчезает жесткий политический контроль за поведением и воспитанием эсдеков. Новое послереволюционное поколение интеллигентов

⁴¹ Г. Плеханов, Сочинения, том 13, стр.310

⁴² Там же, стр.311

⁴³ Там же, стр.312

уже не имеет шансов стать социал-демократами, да и большая часть старого опускается до уровня чистых интеллигентов. Все они просто оперируют марксистскими схемами, доказывают свою правоту и свою ценность не в борьбе с враждебным строем, а в борьбе друг с другом. Возрождается та самая кружковщина, интриги и прочее. Раскол в их среде происходит до, а не после своей необходимости.

Поэтому после 1917 года, когда власть была завоевана и естественный рост рядов социал-демократии прекратился, сохранение ее остатков в лице “коммунистической гвардии” от внутреннего разложения и посягательств со стороны “бессознательной” массы партии пробрело первостепенное значение для политического будущего страны.

Дальнейшее усиление централизма (запрет фракций и т.п.) было неизбежно. Централизм принимает крайние формы. Ибо то преимущество, которое делало социал-демократию прежде необходимой, знание, заимствование марксизма, развитие теории, что делало ее “выразительницей самых передовых стремлений своего времени”,⁴⁴ ее привычка к умственному труду и индивидуализм, то эта самая интеллигентность и индивидуализм подготавливают теперь ее поражение.

“Комгвардия” сама поедала себя путем склок и расколов, теряла авторитет, освобождая политическую сцену для нового действующего лица. “Центр нашей партии съел всю партию”⁴⁵ тогда и только тогда, когда на смену “комгвардии” пришла рядовая масса “пролетариев”, поставленных к власти.

“У Щедрина где-то фигурирует какой-то советник Иванов, который был так мал ростом, что решительно “не мог вместить в себе ничего пространного”. Они хотят вести рабочий класс, а сами не способны без повода прейти от одной своей смешной крайности к другой. Их не покидает мучительное сознание этой неспособности, и нули, стремящиеся пристать к какой-нибудь единице, они, подобно крыловским лягушкам, просившим себе царя, старательно ищут себе “вождя”, и когда им удастся обрести такого, они воображают, что пришел “мессия” и требуют для него диктатуры”.⁴⁶

В России, еще не познакомившейся всерьез с капиталистической культурой и буржуазной демократией, найти иной сознательности до конца марксистского характера, кроме сознательности профессиональных революционеров социал-демократов было невозможно, и централизм в условиях распада “комгвардии” неизбежно приобретал характер “бонапартизма, если не абсолютной монархии”, из политического блага становился политическим монстром культа личности Иосифа Сталина.

“Если бы наша партия в самом деле наградила себя такой организацией, то в ее рядах не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов: в ней остались бы лягушки, получившие наконец желанного царя, да центральный журавель, глотающий этих лягушек одну за другою...”⁴⁷

РСДРП должна была превратиться в партию, где “исчезают оттенки мысли, мысль... превращается в окостеневшую догму и совершенно перестает работать”⁴⁸, где исчезает “дисциплина, основанная на сознательности и доброй воле революционеров”.⁴⁹

При всем при том, несмотря на мрачные прогнозы Плеханова и вопреки своим собственным последующим тяжелым предчувствиям, политический инстинкт толкал Ленина к диктатуре.

⁴⁴ Г. Плеханов, Соч., том 13, стр. 67

⁴⁵ Там же, стр. 92

⁴⁶ Там же, стр. 86

⁴⁷ Там же, стр. 92

⁴⁸ Там же, стр. 20

⁴⁹ Там же, стр.8

“Хороший организатор должен быть диалектиком”, – писал Плеханов. Ленин, как известно, – весьма хороший организатор и, следовательно, диалектик по Плехановскому определению, поддержанный большинством партии, в политике учитывал и отсталость русских рабочих, и индивидуализм русской интеллигенции, предпочитая раскол в партии до 1917 года, борьбу с расколом после 1917 года и всегда – жесткую дисциплину для рядовой массы партии. Он был поклонником централизма в силу политической необходимости, предпочитая политическим свободам в стране и демократии в партии социальные преобразования и надежду на быстрейший подъем экономики, единственно способный дать реальное основание для действительной демократии и политической свободы.

Однако, что должно было случиться, случилось: после его смерти не нашлось никого кто бы смог удержать единство “комгвардии” и ее сползание на вторые роли, в небытие; партийной массе было предоставлено самой решать свою судьбу. В известном смысле повторился ход французской революции – Робеспьер подготовил восшествие Бонапарта, создание сильной централизованной власти предопределило появление империи.

Впрочем, “комгвардии” удалось оставить в наследство своим преемникам не только кардинально переделанное общество, но и некоторый запас знаний, традиций и принципов, которые так сильно отличали в лучшую сторону российский культ личности от, например, азиатских диктатур. Она оставила им Иосифа Виссарионовича Сталина.

Сталин пришел к власти, опираясь на ленинизм. Ленинизм нашел себя в Сталине, ленинизм создал Сталина.

Являясь крайним воплощением идей ленинизма, сталинская эпоха была так же недолговечна, как, по мере смены исторических декораций, теория Ленина становилась, во многих своих чертах, учением пережившим свое время.

И все же: Сталин ушел, ленинизм остался.

Необходимость централизма в свое время дала ему жизнь, а всеобъемлющая власть центра теперь находит в нем свое оправдание. Это – догмат, покушение на который есть покушение на политический строй, на господство партии, господство партийной верхушки – попов новой веры и ее иезуитов. Идеализм Ленина оказался орудием бюрократов, заинтересованных в оформлении и закреплении своей власти на вечные времена, метафизические постулаты его теории стали плотью и кровью современной советской “материалистической” идеологии.

“Рабочий класс ведет великую борьбу за социализм, он призван освободить человечество от всех форм социального и национального гнёта. Для этого ему нужно осознать свое положение в капиталистическом обществе, понять цели и задачи своей борьбы. Такое понимание дает ему марксизм, представляющий самое глубокое и цельное теоретическое выражение коренных интересов пролетариата. Без революционной теории не может быть революционного движения – подчеркивал Владимир Ильич. Это положение имеет поистине решающее значение для рабочего класса. Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией”.⁵⁰

Сначала революционная теория, затем революционное движение; сначала слово, потом дело, – это ли не наивный идеализм любой “истинной” религии? Сначала партия, потом рабочий класс; сначала “истинное учение”, потом партия, – это ли не последовательность достойная уважения?

Мы получили законченное господство “духа святого”, надо полагать, из выхолощенного марксизма, сошедшего на “чело пророка”, надо полагать, вождя. И глас его осенил откровением своим “избранных”, надо полагать, поменявших гору Синай на Кремль.

В одном товарищи несомненно правы: все это имеет решающее значение для рабочего класса и народа России.

⁵⁰ “История КПСС”, том 1, Госполитиздат, Москва, 1964 год, стр. 372

Плеханов – весьма образованный марксист, а марксизм довольно точная наука, если не превращать его в догму, – предсказал будущее РСДРП правильно, но ошибся в сроках. За это время произошло много событий, имевших существенное значение для судеб страны и будущего социального строя. “Центр съел партию”, но съел уже после 1917 года, после гражданской войны и НЭПа, после того как в обществе произошли кардинальные изменения, которые иначе как социальным прогрессом не назовешь.

Подводя итог, хочется повторить вслед за Плехановым, что “ответственность за бедствия переживаемые Россией падает не на отвлеченные свойства человеческой природы, на существующий у нас политический порядок”⁵¹; что “последовательные марксисты (и не только они) не будут утопистами централизма”⁵², даже если централизм будет стремиться превратить их в утопию.

“Они мотивы, как бы они не были
достаточны, не могут быть действительны
без достаточных средств”
(Иеремия Бентам)

Для социалистического переворота в России нужно было во всяком случае два условия. С одним из них мы уже познакомились – это соединение марксизма с рабочим движением. Причем марксизма, способного на деле защитить интересы рабочего класса. Значение большевиков и, в первую очередь, Ленина состоит, следовательно, в такой постановке, конституировании марксизма применительно к условиям России. В таком виде он конечно не может быть всеобщим достоянием, но как метод, способ использования теории Маркса достоин всеобщего признания, так как есть то самое творчество когда “марксизм не догма, а руководство к действию”. Если бы верная политика оформилась бы в точное знание, не искаженное поверхностным восприятием, – большевики были бы его страстными поклонниками со многими... меньшевиками.

Ясно, однако, что даже при наличии революционного сознания и революционной организации, политическое приложение марксизма в России осталось бы отвлеченной игрой ума и политических принципов, не возникни такие условия, которые прямо подразумевали необходимость его использования в экономике. Заимствованный из весьма неопределенного будущего, марксизм тем больше имел шансов на существование, чем большие затруднения переживало хозяйство, чем большие усилия требовало преодоление кризиса, в первую очередь, экономического.

В обычные времена довольствуются обычным. В хорошие времена часто даже склонны потерпеть. В плохие времена спасти иногда может только нечто из ряда вон выходящее.

Война смела самодержавие, несостоятельное ни в военной, ни в хозяйственной, ни в политической областях. На смену ему пришло правительство буржуазии – Временное правительство.

Развал экономики и парализованный войной внутренний рынок требовали государственных монополий и централизованного вмешательства. Сохраняется мобилизация промышленности через систему ВПК (военно-промышленных комитетов), создан ГЭК (главный экономический комитет), занимавшийся вопросами экономической политики, сохранены особые совещания по обороне, топливу, продовольствию.

25 марта 1917 года введена хлебная монополия. 5 мая создано министерство продовольствия. На него было возложено заготовка и снабжение населения как продовольственными, так

⁵¹ Г. Плеханов, Соч., том 13, стр.96

⁵² Там же, стр.90

и непродовольственными товарами и регулирование условиями рыночного оборота – установление цен, железнодорожных тарифов и т.п.”⁵³

14 сентября объявлена сахарная монополия. Август 1917 года объявлена государственная монополия на твердое топливо Донецкого бассейна.

Однако, монополии и политика твердых цен вызвали резкое сопротивление промышленников, не реализовавших свои запасы, и состоятельных аграриев, скрывавших хлеб. При бестоварье, разрухе транспорта и отсутствии решительных мер против саботажа осуществление хлебной и другой иной монополии встречало большие трудности.

“Продовольственный вопрос главным образом упирался вовсе не в крайний недостаток зерна в стране, а в трудности его изъятия у держателей хлеба... Все излишки хлеба по производящим губерниям оценивались к 1917 году цифрой свыше 600 млн. пудов, при потребности в хлебе в недородных и потребляющих губерниях до 180 млн. пудов”.⁵⁴

Поступление хлеба падало.

“После некоторого увеличения заготовок в сентябре 1917 года (46,7 млн. пудов), в результате повышения закупочных цен в два раза, октябрьские заготовки дали всего 27,4 млн. пудов и были выполнены всего на 19% от месячного планового задания. Крестьяне в производственных губерниях категорически отказывались сдавать хлеб и подвозить его в города, пока на рынках не будет в достаточных количествах промышленных товаров”.⁵⁵

Производство же последних сокращалось. Промышленники требовали повышения цен и обуздания рабочих, прибегая к локаутам и закрытию предприятий. Выпуск чугуна в 1917 году упал до 98,9 млн. пудов по сравнению с 231,9 млн. пудов в 1916 году, железа – до 155,5 млн. пудов против 205,8 млн., угля – с 1,95 млрд. пудов до 1,75 млрд. пудов, нефти – с 492 млн. пудов до 422 млн. пудов.⁵⁶

Рост государственных расходов в связи с продолжением военных действий подталкивал к эмиссии денег; обесценивание рубля привело к непомерному росту рыночных цен.

“За второе полугодие 1917 года количество бумажных денег в обращении увеличилось по сравнению довоенным полугодием 1914 года в 8,2 раза, а товарные цены в 11,7 раза. Керенки 20 и 40 рублевого достоинства выпускались без всякого учета их эмиссии, без номеров, целыми лентами и настолько наводнили страну и обесценились, что расчеты производились не на рубли и отдельные дензнаки, а на фунты бумаги, на которой были напечатаны керенки”.⁵⁷

Рыночная экономика угасала. Буржуазия оказалась неспособна спасти хозяйство России. Безднадежность положения признавалась даже самими членами Временного правительства. Продолжением войны и оттяжкой аграрного закона оно подписало себе приговор.

В конце лета 1917 года, после некоторого затишья начались открытые выступления крестьян против помещиков, разгром и поджоги усадеб, захват и своз урожая, раздел скота, инвентаря и т.п. Правительство ответило карательными экспедициями и законом об аренде помещичьих земель – законом, выработанным министром-эсером С. Масловым с отступлением от аграрной программы эсеров о безвозмездной конфискации помещичьих земель.

Происходит перелом – “в крестьянской стране, при республиканском правительстве растет крестьянское восстание”.⁵⁸ Победа большевиков теперь обеспечена благодаря отрыву крестьянства от эсеров.

⁵³ П. Ляшенко, “История народного хозяйства СССР”, ОГИЗ, Москва, том 2, стр. 676

⁵⁴ Там же, стр.675

⁵⁵ Там же, стр. 678

⁵⁶ Там же, стр. 679

⁵⁷ Там же, стр.688

⁵⁸ В. Ленин, Полное собрание сочинений, том 34, стр. 275

“История периода с февраля по октябрь 1917 года есть история борьбы эсеров и большевиков за крестьянство. Судьбу этой борьбы решил коалиционный период, период керенщины, отказ эсеров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эсеров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, восстание Корнилова... Дальнейшее затягивание войны лишь подхлестывало революцию и подгоняло миллионные массы крестьян и солдат на путь прямого сплочения вокруг пролетарской революции. Без наглядных уроков коалиционного периода диктатура пролетариата была бы невозможна”.⁵⁹

Итак, буржуазия не смогла “довести до конца буржуазную революцию”, не справилась с экономическими затруднениями, вызванными войной, прежде всего политически. Она не смогла пойти против себя самой, против своих частных эгоистических интересов, так как, по всей видимости, не имела отчетливого самосознания своего общего интереса, не имела дальновидных политических лидеров.

Оставалось на выбор: либо военная диктатура контрреволюции, спасающая буржуа за его счет и в громадной степени за счет народа, поэтому, может быть, уже ничего не спасающая; либо военная диктатура народа, то есть пролетариата и крестьянства, с вполне определенными целями:

–
конец войне, землю – крестьянам, а следовательно, – условия для существования разоренному сельскому населению,

–
контроль за промышленностью, национализация банков и т.д., а следовательно, – условия существования для рабочих, для обывателей, для мелкой буржуазии городов.

У большевиков была программа “национального спасения”. У буржуазных партий, как выяснилось, никакой действенной программы не оказалось, не было сколь-нибудь отчетливого сознания ситуации, сильных политических лидеров, способных осуществить то же самое, что сделали большевики, но в пользу буржуазии.

В этом смысле, за свою слабость и за силу эсдеков русский буржуа должен благодарить царя, заботливо опекавшего его все предреволюционные пятьдесят лет.

“Так сложилась диктатура пролетариата в России”

Оригинальность политических и экономических взглядов большевиков сомкнулась с хозяйственной необходимостью и в обстановке военного и экономического краха, развала имперского порядка революционная социал-демократия осуществила ряд экстраординарных мер, таких как:

–
немедленное заключение мира,
–
национализация земли и передача ее в вечное пользование крестьянам,
–
национализация банков,
–
рабочий контроль, а в дальнейшем национализация крупной промышленности,
–
всеобщая трудовая повинность,
–
монополия внешней торговли, организация централизованного и, по возможности, планомерного управления народным хозяйством в первую голову через учет, через статистику.

⁵⁹ И. Сталин, “Вопросы ленинизма”, Госиздат, Москва, 1953 год, стр. 41-42

”Мы за централизм... и за план пролетарского государства, пролетарского регулирования производства и распределения в интересах бедных, трудящихся и эксплуатируемых против эксплуататоров”.⁶⁰

Первым условием восстановления народного хозяйства был мир – конец бессмысленному потреблению людей и ресурсов.

Аграрная революция, передача земли крестьянам означала быстрое капиталистическое развитие сельскохозяйственного производства на базе мелкого крестьянского хозяйства, окончательно освобожденного от пут феодальных пережитков. Национализация земли закрепила за пролетарским государством крупнейший источник доходов – земельную ренту.

Аннулирование иностранных 60 млрд. займов, размер которых был в 17 раз больше довоенного госбюджета где одни только платежи процентов достигали 3 млрд. рублей или 13% государственных расходов, положило конец утечке средств за границу.

Национализация банковского дела, национализация крупной промышленности, монополия внешней торговли открывали доступ к регулированию народного хозяйства, доступ к доходам от внутреннего и внешнего оборота.

В критической ситуации 1918 года вход пошла прямая экспроприация частных состояний, когда “центр отказывался финансировать местные советы и те существовали на средства “экспроприированные и эксплуататоров”.

В условиях гражданской войны и разрухи экономику удалось стабилизировать в специфическую систему “военного коммунизма” – сочетание революционного энтузиазма масс и повсеместного извлечения средств, с централизованным управлением производством и распределением возможно большей части продукции. Дальнейшее обобществление средней и части мелкой промышленности, запрет частной торговли товарами первой необходимости, поголовная трудовая повинность и военное положение в основных отраслях промышленности и транспорта, главкизм, конфискация сельскохозяйственной продукции без оплаты или по твердым ценам в падающей валюте, карточная система снабжения в первую очередь рабочих – вот, вкратце, основные особенности политики “военного коммунизма”.

“Основной принцип, на котором держались все формы хозяйственного строительства в то время, состоял в том, что из экономики была устранена категория рынка”.⁶¹ В перекошенной войной национальном хозяйстве рыночной обмен умирал; обнаружилась запертость внутреннего оборота, обрекавшая промышленность на вырождение, а сельское хозяйство на самодовлеющее существование; политика “политика вытеснения рынка стала просто констатацией факта все большего отсутствия обмена товарами... Поскольку сфера добровольного обмена сокращалась, а сама купля-продажа товаров приобретала извращенный, неэквивалентный, спекулятивный характер, стихийный обмен должен был быть заменен суррогатом централизованного натурального обмена, который обеспечивался принудительно: давлением государства.

Продовольственный налог (с 1918 года – натурой), в который включалось все, что было в два раза больше собственного потребления крестьян, уступил место продразверстке, при которой крестьянам оставляли только на “прокормление”, – безвозвратная ссуда по классовому принципу, для изъятия которой создавались вооруженные продовольственные отряды рабочих.

Итоги продразверстки: 1917/1918гг. – 73 млн. пудов хлеба, 1918/1919гг. – 107,9 млн. пудов, 1919/1920гг. – 212 млн. пудов, 1920/1921гг. – 367 млн. пудов, то есть: рост по мере усиления советской власти.

⁶⁰ В. Ленин, Полное собрание сочинений, том 34, стр. 320

⁶¹ Г. Лисичкин, “План и рынок”, Москва, “Экономика”, 1966 год, стр. 17

“По данным ЦСУ в 26 губерний в 1918/1919гг. было доставлено 125,9 млн. пудов хлеба, из которых 55,7 млн. – Наркомпродом, 70,2 млн. – мешочниками. В 1919 году в 12 производящих хлеб губерниях городское население получило по карточкам 52,4% всего количества потребленного хлеба, 15 городах потребляющих хлеб губерний – 40% всего хлеба, остальное было приобретено на вольном рынке по спекулятивным ценам в 8-10 раз выше твердых государственных цен. В 1920 году рабочие потребляли по карточкам 58,5% хлеба”.⁶²

В городах ввели единовременный десяти миллиардный налог на всех имеющих доход свыше 1500 рублей в месяц. Помимо налогов и контрибуций шел процесс натурализации зарплаты – распределение продовольствия и предметов первой необходимости по карточкам в твердых ценах, а с 1920 года – бесплатно. В 1920 году зарплата натурой была в 12 раз больше денежной ее части. Это позволяло, используя денежную эмиссию, все увеличивающийся выпуск бумажных денег, изымать спекулятивные доходы, добиваться того, чтобы основная тяжесть инфляции ложилась на нетрудовые элементы.

Отказ от уравнительного снабжения населения преследовал те же цели. Классовый паек поделил население на четыре категории: рабочие (1 или 2 категории), служащие (2 и 3 категории), нетрудовые элементы (4 категория). Все эти меры, а также распределение через общественное питание, позволили уравнивать шансы рабочих и буржуа перед голодом, спасти рабочий класс от вырождения.

В управлении использовали централизованное планирование работы крупной промышленности, в частности транспорта, что дало нормализацию перевозок и привлечения дополнительных резервов. Составлялись планы на короткие сроки (2-3 недели), основным принципом которых было “выделение ударных, решающих для обороны страны отраслей хозяйства”.

“При правильном распределении ресурсов Советское государство может продержаться очень и очень долго”.⁶³

Однако в смысле развития народного хозяйства “военный коммунизм” не имел никаких перспектив. Эта система, вызванная к жизни диспропорциями экономики военного времени, была способна лишь поддерживать извращенное состояние хозяйства, работающего на войну, обеспечить извлечение прибавочного, а часто, необходимого продукта, “выбрасываемого на ветер” вооруженной борьбы. И, если отвлечься от некоторых начинаний Советской власти в области капитального строительства, хозяйственные итоги периода “военного коммунизма”, в отличие от итогов политических, были удручающими.

Во-первых, сохранился и углубился упадок сельского хозяйства, произошло сокращение посевных площадей и снижение урожайности, вызванные незаинтересованностью крестьян в увеличении сельскохозяйственного производства. Урожайность зерновых в 1913 году – 6,9 центнера с гектара, 1917г. – 6,4 центнера, 1918г. – до 6 центнеров, 1919г. – 6,2 центнера, в 1920г. – 5,7 центнера с гектара и это несмотря на аграрную реформу в деревне.

В городах реальная зарплата рабочих по сравнению с уровнем 1913 года (100%) составляла в 1917 году 73,4%, а в 1920 году – 33%.⁶⁴ В результате численность рабочих в 1920 году упала до 47,1% от уровня 1917 года, что явно было вызвано помимо военных действий полнейшим упадком промышленности и отходом рабочих в деревню.

Упадок промышленности, вызванный отсутствием сырья и рабочей силы, “Предприятия стремились по существу лишь к тому, чтобы любыми средствами выполнить план, доведенный сверху. Стремление получить возможно большее количество продуктов без учета того, какой ценой дается их выработка и экономично ли при этом используются ограниченные ресурсы, приводило к пуску несоизмерно большого количества предприятий, распыленности произ-

⁶² “История социалистической экономики”, Москва, “Наука”, 1977 год, том 1, стр. 374

⁶³ В. Ленин, Полное собрание сочинений, том 43

⁶⁴ “История социалистической экономики”, Москва, “Наука”, 1977 год, том 1, стр. 250 и 362

водства, крайне низкой экономичности работы фабрик и заводов”,⁶⁵ к тому, что поглощалось больше, чем производилось.

Национализированная промышленность практически не давала накоплений, то есть была своего рода “живым трупом”, остатками бывшего могущества, нуждавшимся для своей жизнедеятельности в постоянных инъекциях капитала.

На финансы, как источник дохода, также нельзя было рассчитывать. Дело даже не в том, что финансовое положение было тяжелым – по сути не было никакого “финансового положения” в обычном понимании этого слова. Из-за превышения расходов бюджета над доходами примерно в 3-7 раз и чрезмерной эмиссии денег в течение всей гражданской войны, развилась инфляция и в 1921 году цены увеличились в 30000 раз по сравнению с уровнем цен 1913 года. За период с 1 июля 1918 года по 1 января 1921 года денежная масса увеличилась с 43,7 до 1168,6 млрд. рублей (в 26,7 раза), покупательная сила рубля упала в 188 раз.⁶⁶ Причем эффективность денежной эмиссии уменьшалась из-за обесценивания денег. При росте эмиссии с 2,9 млрд. рублей (1918г.) до 109,5 млрд. рублей (1920г.) среднемесячный реальный доход от эмиссии снизился от 27,1 до 10,2 млн. рублей.⁶⁷

По этой причине, а также из-за прекращения легальной частной торговли, дальнейшей национализации промышленности и натурализации зарплаты происходило падение доходов от денежных налогов и, в конце концов, последовала их полная отмена. Госбюджет из денежного стал натуральным. А поскольку в принудительном порядке натуральные доходы поступали все более скудно, так как крестьянство не хотело прилежно работать, а национализированная промышленность не могла, советская власть рисковала остаться без средств в самый неподходящий момент неурожая, демобилизации армии и начала восстановления промышленности.

Необходимый для начала хозяйственного строительства минимум продовольствия по расчетам составлял 320 млн. пудов хлеба. К 15 декабря 1920 года было собрано 155 млн. пудов. Кроме того, финансовая программа плана ГОЭРЛО исходила из активного баланса внешней торговли: превышение экспорта над импортом должно было дать 11 млрд. рублей золотом. Остальные средства – примерно 6 млрд. рублей – предполагалось покрыть за счет внутренних ресурсов путем концессий и кредитных операций.⁶⁸ Стало ясно, что политика военного коммунизма при таких целях – бесперспективна, что “военный коммунизм был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой”.⁶⁹

“История есть развитие свободы,
в иронии необходимости”.

Уроки “военного коммунизма” вышколили “партгвардию”, что в сочетании с восприимчивостью, присущей интеллигенции, явилось предпосылкой эволюции партийной верхушки, если не в теории, то на практике несомненно. “Партгвардия” не могла не понять тупик “военного коммунизма” как способа ведения национального хозяйства. Более того, некоторая часть ее по-видимому чувствовала неизбежность перехода к иной экономической политике: воспитанные в марксизме, они подозревали “военный коммунизм” в бесперспективности, обожая, впрочем, соорудать подобные ему схоластические схемы будущего “коммунистического” устройства общества.

В условиях полнейшей разрухи, если хотели воспользоваться для подъема экономики преимуществами рынка и, тем более, преимуществами планирования, должны были вернуться

⁶⁵ Г. Лисичкин, “План и рынок”, Москва, “Экономика”, 1966 год, стр. 18

⁶⁶ “История социалистической экономики”, Москва, “Наука”, 1977 год, том 1, стр. 391

⁶⁷ Там же, стр.394

⁶⁸ Там же, стр. 420, 435

⁶⁹ В. Ленин, Полное собрание сочинений, том 43, стр. 220, изд.4

к обмену, к товарному хозяйству. Поэтому первым неизбежным этапом работы стала торговля с деревней желательно в организованной, а если не выйдет, то в неорганизованной форме свободного рынка.

“Уже летом 1921 года обмен начал выходить за рамки госторговли. “Рынок оказался сильнее нас”, вместо перехода к социалистическому строительству через организованный товарообмен потребовался обходной путь – через торговлю”.⁷⁰

Начало “новой экономической политики” (НЭПа) помимо гарантии восстановления промышленности и сельского хозяйства давало также основания для осуществления действенного планирования. Допущение частного предпринимательства здесь ничего уже не меняло хотя бы потому, что “социалистическое государство ничего частного в области хозяйства не признает”,⁷¹ частник в принципе здесь интегрирован с госпромышленностью, так как преследовалось всякое его уклонение от государственного контроля, надзора и учета.

В 1922 году последовало серьезное расширение самостоятельности национализированных предприятий, государственная власть и государственная промышленность были разделены, их взаимоотношения начали строиться так, как если бы дело шло об отношениях двух сторон, вступающих между собой в договор и кассы которых ведут совершенно раздельное существование. В конечном итоге, декретом о государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета, подписанном 10 апреля 1923 года, было заявлено что государственная казна за долги трестов не отвечает.⁷²

⁷⁰ “История социалистической экономики”, Москва, “Наука”, 1977 год, том 2, стр. 16

⁷¹ В. Ленин, Полное собрание сочинений, том 44, стр. 398, изд.4

⁷² “История социалистической экономики”, Москва, “Наука”, 1977 год, том 2, стр. 382

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.